

Я ПОДЛУШАЛ ТРАГЕДИЮ ВЕКА...

* * *

А в детстве всё до мелочей
полно значения и смысла:
и белый свет, и тьма ночей,
крыло, весло и коромысло...

И чешуя пятнистых щук,
цыплёнок, коршуном убитый,
и крик совы, и майский жук,
и луг, литовкою побритый.

Как в кровь — молекула вина,
как в чуткий мозг — стихотворенье,
как в ночь июльскую — луна, —
в сознание входит точка зренья.

* * *

Реактивный!
Мы — крылатая держава!
На лугах
на миг
работа задержалась.
Мужики
сжимают косы
как винтовки.
Им ещё
без гимнастёрки
так неловко!
Вынимают
свои вымпелы-кисеты,
вспоминают,
что когда-то,
с кем-то,

где-то...

Растревожены
грохочущею синью!..
Гуси Рим спасли.
Орлы спасли Россию!

* * *

Синий ветер, просвистывая чащи!
Начинается время дождей..
Березняк, будто пёс одичавший,
стал бояться сутулых людей.

У сутулых, когда-то любивших
молчаливый таинственный бор,
согревая ладонь топоричем,
тускло светится мокрый топор.

И всю ночь у голодных печурок
будет грусть берестой шелестеть,
и сутулые будут сидеть
над охапкой берёзовых чурок...

А весной — чья-то тень голубая
подползёт к невоскресшему пню...

Человека берёзка любая
оправдает за слабость к огню.

* * *

Заря, заря, вершина декабря..
В лесах забыт, один у стога стыну.
Встаёт в тиши холодная заря,
мороз, как бык, вылизывает спину.

Качнулась чутко веточка-стрела,
и на поляну вымахнул сохатый...
И, падая на землю из ствола,
запела гильза маленьким набатом...

Зря не зря, и я не зря, и зверь...
Не зря стволы пустеют в два оконца...

И, как прозреньё в маленькую дверь,
через глаза

в меня

входило

Солнце!

ЧЁРНЫЙ ЛОСЬ

Вновь я там, где простился с детством.
В милом детстве теперь я гость...
Синий воздух ломая с треском,
выйди из лесу, чёрный лось!..

Напугай меня белым рогом,
бей копытом в трухлявый пень,
закружи по лесным дорогам,
но верни мне из детства день.

Пусть откроет густой малинник
сотни алых пахучих тайн...
Золотистых озёрных лилий
звон волшебный услышать дай...

На заре прибредём к посёлку,
я тихонечко в дом войду...
Подожди за кустом, я только
спичек розовых украду.

В ночь — костёр! Да такой, чтоб сразу
небо пламенем занялось!..
Лось, не щупай сквозь листья глазом,
выйди из лесу, чёрный лось...

ТЫ

Кем-то в жизнь ты неласково брошена.
Безотцовщиной звали в селе...
Откопал я тебя, как картошину,
в чуть прохладной сибирской земле.

Я впустил тебя в душу погреться,
но любовь залетела вслед...

И теперь на тебя насмотреться
не смогу и за тысячу лет.

В СЕМЬЕ

В семье
значение всех событий
приобретает особый стиль:

погиб «Титаник»;
родился Витя;
зелёный чайник снесли в утиль...

Война в Камбодже;
сосед буянит;
украли сумочку у жены...

«Титаник» жалко,
и жалко чайник...

В семье
масштабы
упрощены.

* * *

«Мой муж», — ты сказала...
Но мужу нет дела.
И ты иступлённо-
«О муж мой!» — пропела.

Вернулся. Не бросил.
Хоть смотрит невесело...

«Мой муж!» — это проза.
«О муж мой!» — поэзия.

* * *

Душа на учёте, и дверь на крючке.
Гремит ревизорская лира.
Всё золото мира в одном уголке,
в другом — всё незолото мира.

Мгновенно и броско венчаю ценой
обиду и новую повесть,
костюм, и улыбку, и ссору с женой,
вино, сигареты и совесть...

А тяжесть утраты? А детские сны?
А радость несбывшейся казни?..

(И слезы жены не имеют цены,
когда у любовницы праздник!).

* * *

Ты брошена, разбита, искорёжена,
над письмами закончился твой пост.
Душа твоя в конвертики уложена
и злобой перетянута внахлёт.

Ты волосы болванишь чуть не наголо, —
смотрите, мол, а мне на вас плевать!
Ты стала узколицая и наглая,
слова твои — всё «мать» да «перемать»...

Ты брошена, судьба — сплошные дыры,
и голос недоверием изрыт.
Старушка из семнадцатой квартиры —
«Хороших не бросают!» — говорит.

Ребёнка незаконного, внебрачного
таскаешь контрабандой под плащом...
А пошлина давно уже уплачена
бессонницей, слезами и дождём.

Ты брошена, ты, значит, нехорошая.
Ты брошена, как камушек со скал.
Ты брошена и сплетней припорошена...
А я как раз такую и искал.

СЛОВО

Час назад (уж целый час натикал...
только час... а кажется, — года)
сдавленным и сумеречным криком
прозвучало слово «никогда».

...Д'Артаньян на помощь не прискачет,
не распорет шпагой темноту...
Никогда «Титаник» не заплачет
в долгожданном розовом порту...

Никогда не выстрелит царь-пушка
для острастки вражеских держав...

...Догорает в памяти избушка,
курьи ножки
судорожно
сжав.

МАРТОВСКИЕ КОШКИ

Сказали: мать! — её не трогало.
Сказали: мат — пустейший звук.
Сказали: март! — и кошка вздрогнула!
И мышку выпустила вдруг...

Благополучие — на ключья!
Не надо ласки и мышей.
Она по флейте водосточной
взлетает на семь этажей...

Распущен хвост в любовной неге,
а был, как пруттик, до сих пор...
И на восьмом чердачном небе
её встречает нежный хор.

Во тьме любовно-неоглядной
сияют очи всех мастей.
И пахнет пылью шоколадной
чердак на откупе страстей.

Ах, как поют кошачьи парни!
От страсти уши прилегли.
— Пушай кричат! — сказал пожарник. —
Чердак бы только не сожгли.

Чердак волнуется и дышит
в кошачьем мартовском бреду...
А чуть повыше, там, на крыше,
у звёзд холодных на виду
над всем, что буднично и тленно,
превыше драк и непогод,
как разрешённая проблема,
лежит

кастрированный
кот.

* * *

В Третьяковке мальчишка
взглядом женщины скован,
удивлён и подавлен непонятной тоской...
Парень, прыгай в карету
к «Неизвестной» Крамского!
Грозно ахнут копыта, и —
подрамник пустой!

Холст не вечен — истлеет.
Рухнут рамные плечи,

станет охра и зелень нежной пищей
для крыс.

Ренуар — ягуар!

Не рычите сквозь вечность,
Если мы оживим ваших чудных актрис.

Кража, кража! Не кража!

А любовная милость.

Долгожданная милость, из неволи побег...
Незнакомка ждала, Незнакомка томилась...
Ей был тесен, как гроб,
девятнадцатый век!

МОЁ ПСЕВДОИМЯ

Я — Магнит!

Я — Магнит!

Я — Магнит!

Псевдоним не придуман, признаться:
давним случаем память звенит —
не вернулся из рейса «семнадцать»
самолёт с позывными «Магнит».

И с трагическим, дерзким надрывом
для стихов и диспетчерских книг —
передатчик, отброшенный взрывом,
хотел: «Я — Магнит! Я — Магнит!..»

Я подслушал трагедию века,
середины концатого века...
Раньше проще — хомут да телега,
а сегодня — до скорости света.

Я — Магнит!

Я — Магнит!

Я — Магнит!

Отрицаю себя, отметаю...
Что я значу в просторах веков?..
Я, один, превратившийся в стаю
суетливых бездомных стихов...

Пусть мой образ никто не хранит,
все иконы сожгу безоглядно...
Но мои позывные: «Магнит! Магнит!»
держат стаю страшнее, чем клятва.

Ай, свирепая стая!
Только шерсть отлетает!

Только чёрная ночь
обещает разбой...

Но — «Магнит!» —
и у жертвы остановится стая,
и зашторит клыки
задрожавшей губой...

Я — Магнит!

Я — Магнит!

Я — Магнит!..

Псевдоним не придуман, признаться:
давним случаем память звенит —
не вернулся из рейса «семнадцать»
самолёт с псевдонимом «Магнит».

РАСКИДИСТЫЙ КЛЁН

Раскидистый клён, расфуфыренный
в прах,
ветвями бессмысленно машет...
На синей скамейке с ребёнком в руках
сидит молодая мамаша.

На сына глядит, как татарин на дань —
любовно, зверино и слепо...
Мадам, посмотрите немножечко вдаль,
лет этак на двадцать с прицепом.

Мадам, посмотрите немного вперёд, —
вдали возникает картина:
вот с факелом кто-то в тумане снуёт,
стреляют обрезы, хохочет народ...
Мадам, приглядитесь, ведь это идёт
облава на вашего сына.

Настигли! А что там за сахарный хруст?..
По черепу чем-то с разбега!..
И тянут у сына из сахарных уст
мучительный крик человека!

Не надо пугаться... Трезвее, мадам!..
Не пойте ему колыбельной...
Облава идёт по горячим следам, —
вы сына спасти не успели...

Чтоб сын ваш не плакал
лет двадцать спустя,
не ждал ни поблажку, ни жалость,

ТАКАЯ музыка военная!..
Такая МУЗЫКА военная!..
Такая музыка ВОЕННАЯ,
что зубы
 хрустнули
 во рту!

* * *

Поэзия — не поза и не роль.
Коль жизнь под солнцем —
 вечное сражение, —
стихи — моя реакция на боль,
моя самозащита
 и отмщение!